

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Б.Е. Степанов

**«КАК БЕЗЗАКОННАЯ КОМЕТА...»:
КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ПОИСКАХ АКАДЕМИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ**

Препринт WP6/2014/03

Серия WP 6

Гуманитарные исследования

Москва

2014

УДК008
ББК 71.0
С79

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И.М. Савельева

- С79 **Степанов, Б. Е.**
«Как беззаконная комета...»: культурные исследования в поисках академической идентичности : препринт WP6/2014/03 [Текст] / Б. Е. Степанов ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – (Серия WP6 «Гуманитарные исследования»). – 40 с. – 150 экз.

Одним из важнейших принципов интеллектуального самоопределения проекта культурных исследований (Cultural Studies) стала критика дисциплинарной организации современного гуманитарного знания и образования. В данной статье предпринята попытка проанализировать изменения в рефлексии о дисциплинарности, обусловленные произошедшей в 1980–1990-е годы интенсивной экспансии Cultural Studies в пространство академии. Эта рефлексия, проистекающая из критической оценки состояния этой области знания, свидетельствует о попытках заново определить место культурных исследований в академическом пространстве и найти продуктивные стратегии реализации критических функций этого направления.

УДК 008
ББК 71.0

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Степанов Б. Е., 2014
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2014

Образ кометы не случайно появился в заглавии этого текста¹. В рефлексиях о судьбе *Cultural Studies*, культурных исследований, очень сильно ощущается временная конъюнктура. Прежде всего, перед нами область знания, достаточно молодая по сравнению с теми гуманитарными дисциплинами, которые мы уже привычно именуем «традиционными». В течение очень небольшого по историческим меркам периода 1980-х – 2000-х годов *Cultural Studies* пережили подъем, имевший характер интеллектуального бума. Однако связанные с ним надежды на принципиальное обновление гуманитарного знания и университетского преподавания довольно быстро сменились разочарованием и ощущением исторической неудачи. Обращенность к современности, открытость, противопоставляемая ригидности и замкнутости сложившихся дисциплин, не стали залогом успешной академической самореализации *Cultural Studies*. Их вхождение в образовательное пространство носило внутренне противоречивый характер, будучи связано с критикой воспроизводства знания в университетах. Все это спровоцировало дискуссии, причем в таком количестве, в каком их, возможно, не вызывала никакая другая область знания. Их предметом становились как обоснованность высказываемой критики, так и позиция, с которой она могла быть произведена. Обсуждались самые разные аспекты академического статуса культурных исследований: соответствие знания, производимого исследователями в этой области, академическим стандартам, обоснованность их претензий на определение научного фронта, укорененность в организационной системе высшей школы и т.д. С учетом остроты этих споров, приступая к характеристике *Cultural Studies*, необходимо быть особенно внимательным к происхождению тех или иных оценок этой традиции, к прояснению того, какое представление об этом явлении стоит за той или иной позицией, выступают ли культурные исследования объектом позитивной или негативной идентификации, в каком контексте они рассматриваются.

Специфическое значение это имеет и для отечественной науки. Рецепция *Cultural Studies* до последнего времени не носила в России сис-

---

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Формирование дисциплинарного поля в гуманитарных и социальных науках», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

тематического характера, будучи, как отмечает Виталий Куренной, частично растворена (а я бы сказал – потеряна) «в смутном и фрагментированном понятии “постмодернизма”»². Парадоксальным образом отечественная культурология в целом очень слабо участвовала в трансляции достижений «культурного поворота». Пожалуй, большую роль в этом процессе сыграли такие дисциплины, как история и антропология. В ситуации дефицита содержательных дискуссий по поводу задач культурологии основным предметом обсуждения был идеологический характер производимого в рамках этой области знания³. Исследовательская программа культурных исследований была представлена лишь в рамках отдельных образовательных программ и единичных публикаций, причем осмысление специфики этой программы до последнего времени по-настоящему так и не было предпринято⁴. Значимым событием в процессе ее рецепции стал специальный выпуск журнала «Логос», где были опубликованы переводы ключевых текстов, принадлежащих перу ее зачинателей – Реймонда Уильямса, Стюарта Холла, Ричарда Джонсона, а также основательная и вместе с тем провокативная статья Виталия Куренного, посвященная характеристике британской традиции культурных исследований⁵.

Признавая наследие этой исследовательской программы в ряде отношений актуальным и современным, в оценке нынешнего состояния этой области знания автор статьи склонен солидаризироваться с экспертами, констатирующими ее упадок, выхолащивание и утрату потенциала кри-

---

² Куренной В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Логос. 2012. № 1. С. 15.

³ Анализ современного состояния этой области знания см. в: *Tolkachova A., Gurova O. Culturology and Cultural Studies in Curriculum of Russian Universities: Friends or Foes?* (рукопись). Благодарю авторов за возможность ознакомиться с текстом до его публикации.

⁴ Самым значимым опытом представления этой традиции, пожалуй, можно считать вышедший под редакцией В. Зверевой сборник: *Массовая культура: Современные западные исследования* / В. Зверева (ред.). М.: Прагматика культуры, 2005, который, к сожалению, был выпущен без запланированного в нем изначально теоретического раздела. Наиболее содержательной публикацией о *Cultural Studies* до последнего времени оставалась статья: *Усманова А. Гендерная проблематика в парадигме «культурных исследований»* // Введение в гендерные исследования. Часть 1: Учебное пособие. ХЦГИ. СПб.: Алетей, 2001. С. 427–464. Характеристику ситуации с освоением наследия культурных исследований см. также в статье В. Куренного.

⁵ См. прим. 2.

тической рефлексии⁶. Аргументы в пользу этой точки зрения, безусловно, заслуживают подробного обсуждения, которое выходит за рамки задач этой статьи. Для меня скорее важен вопрос об интерпретации такой критики. Она, на мой взгляд, может быть, во-первых, симптомом негативной самоидентификации по отношению к культурным исследованиям; во-вторых, формой критической саморефлексии самих представителей этого направления⁷. И если это так, то, возможно, настоящее и будущее *Cultural Studies*, а равно научное творчество отдельных исследователей и сообществ, идентифицирующих себя с этим направлением, не так уж безнадежны. Хотелось бы надеяться, что усилия по рецепции культурных исследований, манифестацией которых стал упомянутый спецвыпуск журнала «Логос», проторят путь к содержательному обсуждению работ не только «классиков», но и «современников», а также будут способствовать устранению разрыва между российскими культурологами и международным сообществом исследователей культуры, представленным целым пулом исследовательских центров, журналов, конференций и т.д.

В этом тексте я хотел бы обратиться к анализу дискуссий об академической самоидентификации *Cultural Studies*. Важное место в этих дискуссиях, инспирированных потребностью постоянного переосмысления исследователями культуры оснований своей работы и переопределения перспектив своего существования, занимает тема отношения к дисциплинарной организации науки и образования⁸. Объектом моего анализа

---

⁶ См., напр., Куренной В. Исследовательская и политическая программа. С. 69–71. Нужно отметить, что автор сосредоточивает внимание преимущественно на характеристике развития *Cultural Studies* в 1960–1980-х годах и оставляет современное состояние культурных исследований за пределами своего внимания.

⁷ Показателен в этом смысле пример цитируемого Куренным Майкла Берубе, который завершает свои желчные рассуждения о состоянии *Cultural Studies* выражением надежды, что у этой традиции есть большое будущее. Тексты, представляющие такого рода саморефлексию, описываются сегодня как образцы «интеллектуальной иеремиады». Название этого жанра восходит к библейскому рассказу о плаче пророка Иеремии по поводу разрушения Иерусалима. Этому жанру был посвящен доклад Т.Д. Венедиктовой на круглом столе «Знание о культуре: современная ситуация в России», проходившем в ВШЭ в 2008 г. См. также: Turner G. What's Become of Cultural Studies? L.: SAGE Publications, 2012. P. 22.

⁸ Подтверждением существования такой потребности служит внушительный корпус текстов. См. напр. спецвыпуски журналов (*Cultural Studies*. 1998. No. 4. P. 1–594. Special Issue: The Institutionalization of Cultural Studies), многочисленные сборники (см. напр.: *Cultural Studies* / L. Grossberg, C. Nelson. P. Treichler (eds.). N.Y.; L.: Routledge, 1992;

будут преимущественно работы 1990–2010-х годов, позволяющие составить представление о том, как осмысление дисциплинарного статуса связано с изменением интеллектуальных ориентиров и институционального положения *Cultural Studies*, а также с трансформацией университетской среды и ее социального и культурного окружения. Учитывая обвинения культурных исследований в различных интеллектуальных пороках – теоретическом эклектизме, политической ангажированности, популизме и т.д., мне представляется важным не только продемонстрировать внутреннюю неоднородность этого сообщества и озабоченность его представителей проблемой соответствия знания о культуре задачам и стандартам научного анализа, но также указать на вклад этих представителей в осмысление форм организации производства и трансляции знания в современном университете. Предлагаемое исследование не может претендовать на полноту ни в плане охвата материала, массив которого, с учетом продолжающейся интернационализации культурных исследований, становится труднообозримым, ни с точки зрения подробности освещения истории движения, анализ которой сегодня переходит уже из области актуальных дискуссий в историко-научную плоскость⁹. Имея своей целью выявление основных стратегий самоописания, сформировавшихся в пространстве культурных исследований, я вынужден пренебречь анализом специфики этих стратегий, связанной с теми или иными локальными контекстами и разными периодами развития этой области знания.

Relocating Cultural Studies: New Directions in Theory and Research / V. Blundell, I. Taylor (eds.). L.: Routledge, 1993; A Question of Discipline: Pedagogy, Power, and the Teaching of Cultural Studies / J. E. Canaan, D. Epstein (eds.). Boulder e.a.: Westview Press, 1997; New Cultural Studies: Adventures in Theory / G. Hall, C. Birchall (eds.). Edinburgh, Edinburgh University Press, 2006; The Renewal of Cultural Studies / P. Smith (ed.). Philadelphia: Temple University Press, 2011 и др.), а также монографии видных представителей Cultural Studies (*Grossberg L. Cultural Studies in the Future Tense*. Durham: Duke University Press Books, 2010; *Turner G. What's Become of Cultural Studies?*). Последняя книга оказалась особенно полезной в ходе работы над этим текстом. Обсуждение книги Гроссберга см. в журнале: *Communication and Critical / Cultural Studies*. 2011. Vol. 8. Issue 3. P. 307–329: FORUM: On Cultural Studies in the Future Tense by Lawrence Grossberg.

⁹ См. спецвыпуск журнала “Cultural Studies” об истории Бирмингемского центра культурных исследований: *Cultural Studies*. 2013. Vol. 27. No. 5. P. 663–900. Special Issue: Contributions to a history of CCCS.

Эскиз истории дисциплины

В контексте проблематики дисциплинарности меня будут интересовать не столько интеллектуальные истоки и политические контексты возникновения этого движения, сколько трансформация институциональных рамок и ориентиров работы его участников, основные вехи которой я и попытаюсь зафиксировать. Отправной точкой в истории культурных исследований, как известно, было создание в 1965 г. Бирмингемского центра современных культурных исследований, который функционировал также и в качестве учреждения постдипломного образования¹⁰. Деятельность центра никогда не была замкнута в рамках университета. Исследователи истории *Cultural Studies* неоднократно подчеркивали значимую как в культурном, так и в финансовом отношении связь бирмингемского центра с издательством “Penguin”. Приоритетным направлением деятельности издательства, с которым с 1950-х годов тесно сотрудничал первый директор центра Ричард Хоггарт, был выпуск недорогих изданий интеллектуальной литературы¹¹.

Центр культурных исследований существовал при факультете литературоведения (*English Studies*). В своей инаугурационной речи по поводу открытия центра Хоггарт указывал на необходимость для литературоведения как академической дисциплины «вступить в более активные отношения с современностью». Как отмечает Норма Шульман, объектом критики английского исследователя выступали присущие этой области знания элитизм, разделение высокой культуры и реальной жизни, истории и настоящего, теории и практики¹². Вместе с тем Хоггарт представ-

---

¹⁰ Об истории британских культурных исследований, в том числе и о той ее части, которая предшествовала созданию Бирмингемского центра, см., напр.: *Turner G. British Cultural Studies: An Introduction*. L.: Routledge, 2002. P. 65–68. На русском языке анализ этой интеллектуальной традиции и политического контекста ее формирования см.: *Куренной В. Исследовательская и политическая программа*. С. 17–34.

¹¹ См. об этом: *Hartley J. Short History of Cultural Studies*. L.: SAGE Publications Inc. (US), 2003. P. 23–26; *Carnie H.J. Talking to the Centre: Different Voices in the Intellectual History of The Centre for Contemporary Cultural Studies (CCCS) // Gateway: An Academic History Journal on the Web*. Spring 2002. URL: <http://grad.usask.ca/gateway/archive21.html> (дата обращения 16.03.2014).

¹² См.: *Schulman N. Conditions of their Own Making: An Intellectual History of the Centre for Contemporary Cultural Studies at the University of Birmingham // Canadian journal of communication*. 1993. Vol. 18. No. 1. URL: <http://cjc-online.ca/index.php/journal/article/view/717/623> (дата обращения 16.03.2014).

лял *Cultural Studies* и как междисциплинарный проект. Уже в 1960-е годы он писал о том, что наряду с литературоведением и литературной критикой пространство этой области знания включает в себя историческую и философскую составляющую, с одной стороны, и социологическую – с другой¹³.

В 1970-е годы, в период пребывания на посту директора Стюарта Холла, развитие *Cultural Studies* как междисциплинарного проекта вошло в новую стадию. Она характеризовалась интенсивным диалогом и с традиционными дисциплинами, и с новыми междисциплинарными феноменами, такими как структурализм или феминизм. Ричард Джонсон отмечал, что это расширение интеллектуального горизонта существенно изменило конфигурацию знания о культуре, представление о культурных иерархиях, взаимодействии субъекта и объекта познания, способы позиционирования по отношению к другим дисциплинам и т.д.¹⁴ В духе нарастающих тенденций фрагментации знания была перестроена и организация исследовательской работы в центре. Теперь она сосредоточилась в рамках тематически ориентированных групп, таких, например, как группа по женским исследованиям, группа по исследованиям народной памяти и т.д.

Вторая половина 1970-х – начало 1980-х годов стали временем, с которым связывают рост влияния *Cultural Studies* в академическом мире. В этот период складывается сообщество исследователей, работы которых сформировали облик этой исследовательской традиции¹⁵. Выходит в свет целый ряд коллективных трудов, с которыми будет ассоциироваться деятельность Центра¹⁶. Более интенсивным становится процесс инкорпорирования *Cultural Studies* в университетское пространство. Специ-

---

¹³ См.: *Hoggart R. Speaking to Each Other: Essays by Richard Hoggart. Vol. II. About Literature. N.Y.: Oxford University Press, 1970. P. 255. Цит. по: Carnie H.J. Talking to the Centre.*

¹⁴ *Джонсон Р.* Так что же такое культурные исследования? // *Логос.* 2012. № 1. С. 128. При этом, как отмечают исследователи, в составе слушателей центра стало меньше литературоведов и больше представителей социальных наук.

¹⁵ Здесь можно упомянуть таких представителей этой школы, как Д. Хеббидж, П. Уиллис, А. Макробби и др.

¹⁶ Речь идет о таких книгах, как *Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain / Hall S., Jefferson T. (eds.). L.: Hutchinson, 1976; Hall S., Critcher C., Jefferson T., Clarke J., Roberts B. Policing the Crisis: "Mugging," the State and Law and Order. L.: Palgrave Macmillan, 1978; Women Take Issue: Aspects of Women's Subordination / Women's Studies Group, Centre for Contemporary Cultural Studies. L.: Hutchinson, 1978; Unpopular Education: Schooling and Social Democracy in England since 1944 / Baron S. (ed.). L.; Hutchinson,*

фика этого процесса была связана с тем, что, как отмечает Дэвид Инглис, в Британии соответствующие отделения чаще создавались в бывших политехнических университетах и реже – в старых университетах, по причине того, что там были сильны позиции социологии¹⁷. Экспансию *Cultural Studies* исследователи связывают также и с другими ориентированными на изучение массовых коммуникаций междисциплинарными институтами, такими как Центр исследований телевидения в Лидском университете, Центр исследований массовой коммуникации в Лестерском университете, Программой медиаисследований в Вестминстерском университете и т.д.¹⁸ Вместе с тем оформление *Cultural Studies* открыло дорогу институционализации более специализированных и разнообразно структурированных областей исследований культуры (таких как *Media Studies*, *Cinema Studies*, *Memory Studies*, *Postcolonial Studies*, *Reception Studies* и т.д.)¹⁹.

В этот же период начинают выходить журналы, представляющие данное поле исследований: *Social Text* (с 1976 г.), *Critical Inquiry* (с 1974 г.), *Media, Culture and Society* (с 1979 г.) и, наконец, *Cultural Studies* (с 1986 г.). С 1980-х годов этот корпус существенно пополняется и, по мнению Тоби Миллера, структурируется главным образом вокруг двух типов изданий – «журналов направления» и «профессиональных журналов». Первый тип – это издания, ориентирующиеся на политические проекты и актуальную повестку дня, провозглашающие идею социальных интервенций и претендующие на влияние поверх дисциплинарных границ. Второй – это журналы, связанные с дисциплинами и профессиональными ассоциациями, участием в которых определяется состав редколлегии и круг авторов журнала. В этих изданиях действует механизм двойного слепого рецензирования, оценки материалов по критериям фальсифицируемости и соответствия дисциплинарным стандартам. Как отмечает Миллер, некоторые из влиятельных в этой дисциплине изданий (примерами могут быть *Continuum*, *Journal of Media & Cultural Studies*, *Cultural Studies*,

---

1981; *The Empire Strikes Back: Race and Racism in 70s Britain*. Centre for Contemporary Cultural Studies. L.: Hutchinson, 1982 и т.д.

¹⁷ *Inglis D.* The Warring Twins: Sociology, Cultural Studies, Alterity and Sameness // *History of the Human Sciences*. Vol. 20/2. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore: SAGE Publications, 2007. P. 101.

¹⁸ См.: *Schulman N.* Conditions of their Own Making. Подробнее об этом см.: *Turner G.* *British Cultural Studies*. P. 65–68.

¹⁹ См. об этом: *Williams R.* *The Future of Cultural Studies* // *Williams R.* *Politics of Modernism*. L.: Verso, 2007. P. 151–162.

International Journal of Cultural Studies) представляют собой промежуточные случаи, связанные с переходом из первой категории во вторую или совмещением принципов отбора материалов и организации издания, характерных для двух категорий²⁰.

Следующим этапом академической экспансии *Cultural Studies* стало возникновение на рубеже 1980–1990-х годов специализированных бакалаврских программ. Данный процесс, вкпе с изменениями идеологического климата и коммуникативной ситуации, сформировал к началу XXI в. нового потребителя интеллектуальной продукции тех преподавателей и исследователей, которые работали в этой области. Если в 1970-х годах, как отмечает Джон Хартли, аудиторию составляли «преимущественно взрослые мужчины, имеющие радикальные политические воззрения или являющиеся убежденными социалистами, политическими активистами или интеллектуалами», то в начале 2000-х годов потребитель интеллектуальной продукции исследователей культуры – это преимущественно человек «более юный, феминизированный, толерантный к различным этносам и мультикультуралистски ориентированный, а по своей институциональной принадлежности относящийся к студентам»²¹.

Еще одной важнейшей тенденцией трансформации пространства *Cultural Studies* на этом этапе стала его интернационализация. Наиболее значимой ее составляющей было распространение культурных исследований в англоязычном мире. По мнению Уилла Стру, оно репрезентировало поворот внутри ряда гуманитарных дисциплин, однако если в Америке социальные науки сыграли в этом повороте достаточно незначительную роль, то в Австралии, в ситуации более проницаемых границ между дисциплинами, социология и культурные исследования взаимодействовали гораздо теснее и образовывали разнообразное сочетание²². А в Австрии и Германии, как отмечает Роман Хорак, *Cultural Studies* не сформировались в том виде, как это произошло в англоязычном мире. По мнению исследователя, препятствием для утверждения их академического статуса оказалась их связь с теориями Франкфуртской школы. В силу этого рецепция теорий Бирмингемской школы происходила в

---

²⁰ Miller T. What it is and What it isn't: Introducing... Cultural Studies // A Companion to Cultural Studies / T. Miller (ed.). Malden: Blackwell Publishers, 2001. P. 8–9.

²¹ См.: Hartley J. Short History of Cultural Studies. P. 150.

²² Straw W. Shifting Boundaries, Lines of Descent: Cultural Studies and Institutional Realignments in Canada // Relocating Cultural Studies: New Directions in Theory and Research / V. Blundell, I. Taylor (eds.). L.: Routledge, 1993. P. 86–87.

основном вне университетов – в рамках институций, связанных с педагогикой и социальной работой. В университетской же среде работы представителей *Cultural Studies* были преимущественно востребованы сообществами исследователей молодежных движений и субкультур²³. Результатом интернационализации было появление множества локальных и национальных версий культурных исследований: *French Cultural Studies*, *Spanish Cultural Studies*, *African Cultural Studies*, *Australian Cultural Studies* и т.д.²⁴ В рамках этих направлений осуществляется не только осмысление (а в некоторых случаях – кристаллизация) местных культур, но и рефлексия в отношении выдвинутых в британских (и, шире, англоязычных) исследованиях моделей взаимодействия культуры и власти, публичной сферы и т.д.²⁵

Развитие культурных исследований в каждом локальном контексте было обусловлено особенностями соответствующих дисциплинарных конфигураций, соотношением между активностью отдельных исследователей, доступными им академическими траекториями и деятельностью разнообразных сообществ, довольно сильно отличавшихся по своим интеллектуальным ориентирам, географической привязке и институциональным позициям²⁶. Значимым параметром интернационализации дисциплины стала полемика по поводу ее интеллектуальной генеалогии. Как свидетельствует Дэвид Инглис, в Америке, где доминируют традиции текстуального анализа, Реймонд Уильямс и Ричард Хоггарт воспринимаются как принадлежащие к экзотической первоначальной стадии становления *Cultural Studies*, тогда как подлинно актуальная традиция свя-

---

²³ Horak R. Cultural Studies in Germany (and Austria) and Why There is no Such Thing // *European Journal of Cultural Studies*. 1999. Vol. 2. No. 1. P. 109–115. О причинах отсутствия *Cultural Studies* во Франции см.: Chalard-Fillaudeau A. From Cultural Studies to Études culturelles, Études de la Culture, and Sciences de la Culture in France // *Cultural Studies*. 2009. Vol. 23. No. 5–6. P. 831–854.

²⁴ Показательно, что термин *Cultural Studies* иногда используется как синоним страноведения (*Area Studies*).

²⁵ См. об этом, например, в обзоре Preston P. Internationalizing Cultural Studies // *Media, Culture & Society*. 2006. Vol. 28. No. 6. P. 941–945. Ср. «И палестинская культура, и палестинские культурные исследования являются попытками победить историческую амнезию и создать более справедливое будущее. Поэтому палестинские культурные исследования являются, таким образом, контркультурными исследованиями». (Tawil-Souri H. Where is the Political in Cultural Studies? In *Palestine // International Journal of Cultural Studies*. 2012. Vol. 16. No. 1. P. 16).

²⁶ Ср. Straw W. *Shifting Boundaries, Lines of Descent*. P. 88.

зывается с работами постструктуралистов, таких, как Ролан Барт и Жак Деррида²⁷.

Академическая институционализация культурных исследований, как уже было отмечено выше, носила противоречивый характер. Особенно показательной в этом смысле является экспансия *Cultural Studies* в американских университетах. С одной стороны, по мнению некоторых исследователей, именно в Америке культурные исследования в полной мере состоялись как академическая дисциплина: там сосредоточено наибольшее количество исследователей, ассоциирующих себя с этой областью знания, выпускается большинство журналов, представляющих дисциплину, а продвижение на американском книжном рынке является главным критерием успеха изданий по этой тематике. С другой стороны, именно с американским опытом развития *Cultural Studies* в большей степени связано разочарование в отношении тех радужных перспектив, которые рисовались многим участникам этого движения на рубеже 1980–1990-х годов²⁸. Оно связано не только с ослаблением критической составляющей в работах исследователей культуры, но также и с невысокой степенью проникновения в систему образования. Так, в 2002 г. Пол Макьюен характеризовал *Cultural Studies* как «криптодисциплину» (“hidden discipline”), слабо представленную в структуре университетов, отсутствующую в университетских рейтингах и справочниках, которые публикуются различными агентствами²⁹. По оценкам Майкла Берубе и Грэма Тернера, эта ситуация продолжает оставаться актуальной и для конца 2000 – начала 2010-х годов: по данным Тернера, в 2000 американских университетов представлено лишь около 20 магистерских программ по *Cultural Studies*³⁰.

---

²⁷ *Inglis D.* The Warring Twins. P. 108.

²⁸ Начало экспансии *Cultural Studies* в Америке обычно связывают с конференцией “Cultural Studies now and in the future”, которая состоялась в 1990 г. в Урбана-Шампейн. См. об этом в контексте дискуссии об интернационализации культурных исследований: *Stratton J., Ang I.* On the Impossibility of Global Cultural Studies: ‘British’ Cultural Studies in an ‘International’ Frame // *Stuart Hall. Critical Dialogues in Cultural Studies / D. Morley; K.-H. Chen (eds.).* L.; N.Y.: Routledge, 1996. P. 363–365.

²⁹ *McEwan P.* Cultural Studies as a Hidden Discipline // *International Journal of Cultural Studies.* 2002. Vol. 5 (4). P. 427–437.

³⁰ *Turner G.* What’s Become of Cultural Studies? P. 23. См. также *Bérubé M.* What’s the Matter with Cultural Studies? // *Chronicle Review (Chronicle of Higher Education)*, September 14, 2009: B6-7. URL: <http://chronicle.com/article/Whats-the-Matter-With/48334/> (дата обращения: 16.03.2014). Аналогичную констатацию применительно к Испании см.: *D’arcy C.C.-G.* “A Room of One’s Own”? // *Cultural Studies.* 2009. Vol. 23. No. 5–6. P. 855–872. В Британии, Австралии, Канаде и Тайване ситуация выглядит существенно лучше: так,

Кроме того, по мнению Берубе, культурные исследования не оказали какого-либо значительного влияния ни на другие дисциплины, ни на систему трансляции знания, которая не стала под их влиянием более демократичной и эффективной³¹.

Весьма противоречиво сложилась и судьба самого Бирмингемского центра культурных исследований. Уже в конце 1980-х годов он оказался перед угрозой поглощения факультетом английской литературы³². В результате мобилизации ресурсов произошло его преобразование в отделение культурных исследований и социологии, созданное на месте факультета социологии. Однако в 2002 г. отделение было в одночасье расформировано, а преподаватели распределены по различным кафедрам и факультетам университета³³. Ни развитие проекта культурных исследований, ни распространение идеи междисциплинарности не смогли предотвратить уничтожения этого организационного «очага».

Критика дисциплинарности

Критика дисциплинарности в работах представителей *Cultural Studies* органически выростала из формулируемой ими программы культурного анализа, ориентированной на выработку более широкого и всеобъемлющего понимания культуры и на критический анализ текущей ситуации. Одним из удачных определений этой программы можно считать характеристику, предложенную Джоном Хартли:

«Что представляли из себя культурные исследования? Это была философия полноты. Это были: исследования, посвященные изучению разрастающегося разнообразия человеческой деятельности (в период нарастающей глобализации, корпоративной экспансии и технологической опосредованности этой

в Британии, по его сведениям, на 140 университетов существует 17 бакалаврских и 14 магистерских программ по *Cultural Studies*. Turner G. What's Become of Cultural Studies? P. 23. О ситуации в Австралии см. также Bennett T. Cultural Studies: A reluctant Discipline // Cultural Studies. 1998. Vol. 12. No. 4. P. 528–545.

³¹ Bérubé M. What's the Matter with Cultural Studies?

³² Turner G. British Cultural Studies: An Introduction. 3rd edition. L.: Routledge, 2002. P. 65.

³³ Подробнее об этом см.: Webster F. Cultural Studies and Sociology at, and after, the Closure of the Birmingham School // Cultural Studies. 2004. No. 6 (18). P. 847–862.

деятельности); ансамбль концепций, связанных с проблемами власти, значения, идентичности и субъективности в современных обществах; совокупность усилий, направленных на обнаружение и реабилитацию маргинальных, притесняемых и отброшенных на обочину регионов, идентичностей, практик и средств коммуникации; критическое предприятие, посвященное подрыву, децентрализации, демистификации и деконструкции здравого смысла, поддерживающего доминирующие дискурсы; практика активной включенности в интеллектуальную политику – производство различий внутри идей, по отношению к идеям, посредством идей. Это было также и издательское предприятие, сформированное деятелями культуры – как в академической сфере, так и в печатной индустрии. Культурные исследования были тем, чем их считали те, кто их практиковал и публиковал»³⁴.

В этой характеристике представляются важными несколько моментов. Прежде всего, она указывает на то, как трансформировалась в рамках культурных исследований марксистская традиция критики современного общества. Важной рамкой социально-критического анализа культуры в 1990–2000-е годы становится проблематика глобализации и корпоративности. Еще более существенным моментом является превращение марксистской критики идеологии в программу анализа репрезентации. Одним из основополагающих принципов программы *Cultural Studies* становится критика доминирования экономики и политики над культурой. Последняя начинает определяться как целостный образ жизни (“way of life”). В этой универсализирующей логике культура как предмет исследования лишается своего инструментального характера. Автономизация культуры как объекта изучения, утверждение самостоятельного значения ценностей и символических систем приводит в конечном итоге к радикальному пересмотру концепции идеологии как «ложного сознания». «Комплексный марксизм» и «культурный материализм», необходимость разработки которого была провозглашена лидерами *Cultural Studies*, претендовали на преодоление редуционизма, присущего теориям Теодора Адорно, Луи Альтюссера и Вальтера Беньямина. Поиск более сложных объяснительных моделей выражал стремление к формированию рефлексивных стратегий критики современного общества³⁵. Другое направление этой трансформации было связано с рафинированием исследовательского инструментария, реализованным благодаря обращению к структу-

---

³⁴ Hartley J. Short History of Cultural Studies. P. 10.

³⁵ См. об этом: Turner G. British Cultural Studies. P. 166–195.

ралистским теориям, к антропологии и истории³⁶. Таким образом, логика выработки универсализированной концепции культуры диктовала выход за границы устоявшихся способов определения предмета и методов исследования и, стало быть, необходимость расширения дисциплинарного горизонта. Пожалуй, наиболее яркое выражение этой междисциплинарной перспективы проекта мы находим в статье Р. Джонсона «Так что же такое культурные исследования?»³⁷.

Важным импульсом для формирования концепции междисциплинарности в работах британских исследователей культуры была критика дефицитов академического знания, обозначавшая претензию этой области знания стать альтернативой уже сложившимся дисциплинарным комплексам. Основными адресатами этой критики оказывались, как уже было отмечено выше, литературоведение (*English Studies*) и социология. Реймонд Уильямс описывал проект культурных исследований как своего рода реакцию на профессионализацию рефлексии о литературе в рамках литературоведения как академической дисциплины. Утверждение и рафинирование профессиональных стандартов он связывал с замыканием дисциплины на самой себе и превращением ее в механизм самовоспроизводства сообщества преподавателей и экспертов. Последние утрачивают способность отвечать на вопросы, задаваемые извне дисциплинарных рамок, людьми, для которых – перефразируя его же собственную формулировку – производство «культуры» не является образом жизни³⁸. Аналогичной была ситуация в отношении социологии. Как отмечает Горгор Макленнан,

«именно Стюарт Холл предложил классическую формулировку тезиса о том, что культурным исследованиям необходимо порвать с социологией, однако в бирмингемской версии образца 1970-х культурным исследованиям было скорее свойственно ставить социологические вопросы в противовес социо-

---

³⁶ Я здесь отвлекаюсь от рассмотрения вопроса о том, какое значение с точки зрения проблематики идеологии имели разные направления развития внутри культурных исследований. См. об этом: Холл С. Культурные исследования: две парадигмы // Логос. 2012. № 1. С. 157–183.

³⁷ Джонсон Р. Так что же такое культурные исследования? С. 80–35. Более развернуто заявленная в статье концепция представлена в книге: Johnson R., Chambers D., Raghuram P., Tincknell E. The Practice of Cultural Studies. L.: SAGE Publications, 2004.

³⁸ Williams R. The Future of Cultural Studies. P. 153. Филологические дисциплины выступают главным объектом критики дисциплинаризации и профессионализма также и для Р. Джонсона. См.: Джонсон Р. Так что же такое культурные исследования? С. 109–110.

логии как дисциплине, нежели отрицать социологическое воображение как таковое. И во влиятельных обзорах Холла, и в изданиях Бирмингемского центра типичная модель аргументации заключалась в критике социологов – будь то теоретики или специалисты в областях расовых отношений, образования, культуры рабочего класса и т.д. – в связи с идеалистическим характером, статичностью и частным характером предлагаемых ими трактовок объекта исследования, препятствующими возникновению трактовок материалистических, динамичных и универсалистских. Выпадение из официальной социологии (и официальных *English Studies*) было условием “впадения” в комплексный марксизм»³⁹.

Развивая критику дисциплинарности, основатели *Cultural Studies* обозначали свое пограничное положение по отношению к университетам и стремление опираться на внеакадемические структуры. На это же указывает и Джон Хартли в приведенной выше характеристике. И Уильямс, и Холл неоднократно подчеркивали, в частности, вовлеченность представителей Бирмингемского центра в практику «образования для взрослых». Холл писал об эмансипационном значении этого контекста с точки зрения сопротивления интеллектуальному принуждению, которое лежит в основе академического воспроизводства знания и побуждает принимать готовые ответы. Согласно Холлу, суть междисциплинарности не сводится к простой кооперации представителей различных специализаций в рамках исследовательского проекта. «Серьезная междисциплинарная работа предполагает интеллектуальный риск заявить социологам, что то, что они называют социологией, ею на самом деле не является. Мы должны были учить тому, что мы считали социологией, полезной для исследователей культуры, тому, что мы не могли получить от людей, именовавших себя социологами»⁴⁰. Для Уильямса утрата соответствия между жизненными запросами и специализированным знанием была

---

³⁹ *McLennan G.* Sociology and Cultural Studies: Rhetoric of Disciplinary Identity // *History of the Human Sciences*. 1998. No. 3. P. 4. Эта ситуация порой приводила к характерным недоразумениям. Так, Терри Ловелл вспоминала, как, будучи уже старшекурсницей, отправилась изучать социологию в Лиде, вдохновленная опытом чтения Хогарта и Уильямса, и обнаружила, что «эти два автора упоминались в курсе первого года для того, чтобы указать на то, чем социология не является». Цит. по: *Johnson R.* Historical Returns: Transdisciplinarity, Cultural Studies, and History // *European Journal of Cultural Studies*. Vol. 4.3 (August 2001). P. 272.

⁴⁰ *Hall S.* The Emergence of Cultural Studies and the Crisis of the Humanities // *October*. 1990. Vol. 53. P. 16. Холл связывает междисциплинарность с позицией интеллектуала, характеризующейся личной вовлеченностью в проблемы современного общества.

предметом беспокойства в связи с наметившимся процессом внутренней дифференциации культурных исследований. *Cultural Studies*, пишет британский исследователь, часто воспринимаются как «бесформенный и раздувшийся монстр» (*vague and baggy monster*). Однако при том, что в рамках субдисциплин, возникающих на его месте, существуют гораздо более благоприятные (в интеллектуальном, организационном и даже в техническом смысле) условия для производства знания, эти субдисциплины в принципе не могут взять на себя миссию осуществления связи с современностью, которой изначально был инспирирован проект *Cultural Studies*⁴¹. В силу всего этого Уильямс, Холл, Джонсон и другие участники бирмингемского центра с настороженностью относились к дисциплинаризации и кодификации, с которыми была связана нарастающая академическая экспансия культурных исследований.

В дальнейшем критика дисциплин приобретала все более обобщенный характер и сформировала определенный набор топосов, которые стали важным элементом в системе самоопределения представителей *Cultural Studies*⁴². Как показывает в своей содержательной статье Дэвид Инглис, «открытость», «подвижность», «неортодоксальность», «междисциплинарность», «широта исследовательского арсенала» и политическая ангажированность стали характерными топосами позиционирования *Cultural Studies* по отношению к традиционным академическим дисциплинам, которым приписывались нечувствительность к современности, политический консерватизм, догматическая монолитность, эмпиристски-позитивистская ориентация⁴³. При этом использование понятия «практика», а также некоторых других понятий, таких как «дискурсивная фор-

---

⁴¹ *Williams R.* The Future of Cultural Studies. P. 158. Ср. об этом *During S.* Is cultural Studies a discipline? And does it make any political difference? // *Cultural politics*. 2006. Vol. 2. Issue 3. P. 265–280.

⁴² В этом смысле приведенные высказывания Холла и Уильямса можно рассматривать как попытки зафиксировать первоначальный контекст формирования этой критики в противовес ее абстрагированию.

⁴³ *Inglis D.* The Warring Twins. P. 99–122. Позитивные коннотации, которые здесь приобретают открытость и подвижность культурных исследований, Инглис вслед за Полом Уиллисом связывает с утверждением социокультурного многообразия, присущего леволиберальному воображению. Ср. в этом отношении также приведенную выше радикальную формулировку Джона Хартли: «Культурные исследования были тем, чем их считали те, кто их практиковал и публиковал».

мация» (Стюарт Холл)⁴⁴ или «языковая игра» (Крис Баркер)⁴⁵, было призвано подчеркнуть гибкость исследовательских стратегий и прагматические ориентации исследователей культуры.

Еще более фундаментальный характер противостояние дисциплинарности приобрело в процессе усвоения критики науки и научных институтов и сообществ, провозглашенной «в работах Пьера Бурдьё и Мишеля Фуко, в критике науки и сциентизма радикальных философов и радикальных ученых, в радикальной философии и социологии образования и феминистской критике»⁴⁶. Одну из наиболее радикальных манифестаций этой позиции демонстрирует часто цитируемое высказывание Эллен Руни о том, что культурные исследования представляют собой «антидисциплинарную практику, характеризующуюся постоянным, непрекращающимся отрицанием дисциплинарной логики»⁴⁷. Критикуя дисциплинарность как выражение нормативности в науке, представители направления актуализируют вопросы о связи власти и знания и о природе нейтральности науки, рассматривая последнюю как сферу борьбы за репрезентацию и инструмент формирования обыденных представлений.

Важным аспектом в критическом анализе дисциплинарности была тема политического самоопределения интеллектуала. Как показывают исследователи, эволюция *Cultural Studies* связана с довольно существенными изменениями представлений о позиции интеллектуала и характере его ангажированности⁴⁸. Речь идет не только об увеличивающемся разнообразии дискриминированных групп, но и о самой природе нормативности и ее взаимосвязи с разнообразием существующих культурных иерархий, соотношением высокой и массовой культуры. Принимая участие в деятельности «новых левых», лидеры культурных исследований не раз критиковали не только их идеологические установки, но и сам характер

---

⁴⁴ Hall S. Cultural Studies and its Theoretical Legacies // L. Grossberg, C. Nelson, P. Treichler (eds.). Cultural Studies. P. 277–294.

⁴⁵ Barker C. Making Sense of Cultural Studies: Central Problems and Critical Debates. L.: Sage, 2002. P. 2–4.

⁴⁶ Джонсон P. Так что же такое культурные исследования? С. 84.

⁴⁷ Rooney E. Discipline and Vanish: Feminism, the Resistance to Theory, and the Politics of Cultural Studies // Differences. 1990. No. 2. P. 21; ср. также: Giroux H., Shumway D., Smith P., Sosnoski J. The Need for Cultural Studies: Resisting Intellectuals and Oppositional Public Spheres // Dalhousie Review. 1984. No. 64. P. 472–486.

⁴⁸ См. об этом: Said E.W. Representations of the Intellectual: The 1993 Reith lectures. N.Y.: Pantheon Books, 1994.

их политической активности. С этим связано и стремление отмежеваться от области практической политики, проявившееся в формулировках, связывавших этот проект с политикой, реализуемой «другими средствами» (Стюарт Холл), с политикой, которая «еще не сформирована до конца» (Ричард Джонсон)⁴⁹.

При этом, однако, они никогда не считали политическую ангажированность достаточным условием для работы в области культурных исследований. Таким образом, несмотря на настороженное отношение к процессу дисциплинаризации *Cultural Studies*, многие сохраняли приверженность академическому контексту⁵⁰. Недвусмысленную в этом отношении формулировку мы находим в статье Джонсона: «На самом деле проблема во многом остается той же, что и всегда: каким образом академическое участие и навыки могут способствовать получению элементов полезного знания?»⁵¹.

Академическая реакция

В 1990–2000-е годы *Cultural Studies* переместились с окраин академического мира в центр обсуждения ситуации в современном университете и дальнейшей его судьбы. Интенсивный рост их популярности и критика культурных и академических иерархий породили столь же резкую ответную реакцию в гуманитарном сообществе. Культурные исследования очень часто изображались как своего рода «академический Чужой», угрожающий основам существования университета⁵². Движению выставляли счет и за те издержки, которые принесла борьба за утверждение новой модели междисциплинарного и вместе с тем ангажированного знания; с деятельностью его представителей связывают утвержде-

---

⁴⁹ См.: *Hall S. The Emergence of Cultural Studies. P. 12; Джонсон Р.* Так что же такое культурные исследования? С. 86–87. Признание того, что деятельность центра никогда не была связана с реализацией конкретной политической программы, зафиксировано и в часто цитируемой формулировке Стюарта Холла, описывающей его участников как «органических интеллектуалов без какой-либо органической привязки». См.: *Hall S. Cultural Studies and its Theoretical Legacies. P. 266.*

⁵⁰ Подробнее о соотношении политических пристрастий и академических траекторий участников Бирмингемского центра см.: *Hartley J. Short History of Cultural Studies. P. 149–156; Куренной В.* Исследовательская и политическая программа. С. 25–34.

⁵¹ *Джонсон Р.* Так что же такое культурные исследования? С. 84.

⁵² Пародийное изображение этой экспансии можно найти и в современном университетском романе. Ср., напр.: *Хайнс Д.* Рассказ лектора. М., 2001.

ние постмодернистского релятивизма и разрушение традиционных университетских ценностей⁵³. Важным импульсом для критики стала вовлеченность исследователей культуры в борьбу против культурного канона и лежащих в его основе разнообразных культурных иерархий, развернувшуюся в университетском пространстве (прежде всего, в Америке) в 1980-е годы. Успех этой борьбы вызвал противодействие в академических кругах:

«Таким образом, левые победили в Академии: в большинстве университетов были введены альтернативные программы и курсы; зато правые, уступив списки обязательной литературы, преуспели в списках бестселлеров – в частности, “Закат американской мысли” Алана Блума пользовался беспрецедентной для академической литературы популярностью и действительно несколько недель был самой продаваемой книгой в Америке. В общественном мнении закрепился карикатурный стереотип радикального профессора, который в грош не ставит мораль, религию и классическую литературу, а думает только о политической коректности»⁵⁴.

В рамках борьбы с постмодернистской угрозой университету на *Cultural Studies* было навешено множество хлестких ярлыков вроде «политико-интеллектуальной свалки западного мира» (Кеннет Миноуг) и «Диснейленда для слабоумных» (Крис Паттен)⁵⁵. Академическую репутацию движения несколько подпортило и нашумевшее «дело Сокала»: скандальная публикация появилась в журнале *Social text*, на страницах которого публиковались многие представители течения⁵⁶.

---

⁵³ О критике в адрес *Cultural Studies* см. также: Куренной В. Исследовательская и политическая программа. С. 35–40, 68–71.

⁵⁴ Гронас М. Диссенсус. Война за канон в американской академии 80-х – 90-х годов // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 6–17. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/51/gronas.html> (дата обращения: 16.03.2014). Показательно, что автор одной из наиболее известных книг, посвященных проблематике культурного канона, Джон Гиллори, описывает изменения, произошедшие в структуре университета в результате “canon wars”, как симптом социальных изменений, в основе которых лежит стремление растущего класса менеджеров освободиться от давления культурного капитала буржуазии.

⁵⁵ См. об этом: Miller T. What it is and What it isn't. P. 10. Ср. также названия следующих публикаций: Windschuttle K. The Poverty of Cultural Studies // Journalism Studies. 2000. Vol. 1. No. 1. P. 145–159; McQuillan M. Why Cultural Studies is the End of Thinking // Educational Philosophy and Theory. 2013. Vol. 45. Issue 6. P. 693–704.

⁵⁶ Эта история была связана с вызвавшей большой скандал публикацией в журнале в 1996 г. статьи физика Алана Сокала, текст которой представлял собой имитацию постмодернистского дискурса и был призван вскрыть падение стандартов

Академическая экспансия *Cultural Studies* воспринималась как угроза и представителями смежных дисциплин. Примером здесь могут служить социологи, подвергавшие сомнению научный статус культурных исследований в силу отсутствия надежной теоретической базы и методов анализа социальной реальности, размытости объекта исследования, отсутствия исторического чутья и присутствия политической ангажированности⁵⁷. Резкая критика влияния *Cultural Studies* на социологию была высказана Брайаном Тернером и Крисом Рожеком. По их мнению, это влияние привело к фрагментации дисциплины и возникновению своего рода «декоративной социологии», не обладающей теорией и методологией для глубокого анализа культуры в ее связи с социальными институтами⁵⁸. В контексте процессов интернационализации показательны рассуждения известного французского социолога Натали Айниш, которая с удовольствием констатирует отсутствие культурных исследований во Франции и иронически описывает ситуацию в Америке, где они все более захватывают то пространство, которое ранее занимала социология⁵⁹. При этом формирующаяся в США социология культуры выступает проводником так называемой французской теории, сферой экспансии которой уже через посредство американцев становится и французская социология⁶⁰.

Один из достаточно взвешенных образцов рефлексии о месте культурных исследований в современном университете представлен в книге Билла Ридингса «Университет в руинах», написанной в 1996 г. Появление *Cultural Studies* он связывает с внутренним кризисом идеи культуры, определяющей миссию этой институции. По его мнению,

---

интеллектуальной строгости, которое происходит под влиянием постмодернизма: *Sokal A.D. Transgressing the Boundaries: Toward a Transformative Hermeneutics of Quantum Gravity // Social Text. Vol. 46/47 (spring/summer 1996). P. 217–252.*

⁵⁷ Подборку критических откликов см. в.: *Inglis D. The Warring Twins. P. 111–114.*

⁵⁸ *Ibid. P. 112.*

⁵⁹ Айниш приводит в пример случай, когда в книжном магазине на вопрос о книгах по социологии ей указали на полку с работами по *Cultural Studies*. Обратную ситуацию, когда такую традиционную сферу интересов культурных исследований, как функционирование массмедиа, определяют как социологическую, описывает М. Берубе: *Bérubé M. What's the Matter with Cultural Studies?*

⁶⁰ *Heinich N. What Does "Sociology of Culture" Mean? Notes on a Few Trans-Cultural Misunderstandings // Cultural Sociology. 2010. Vol. 4. P. 257–265.* Эта ситуация побуждает автора статьи определять свою профессиональную идентичность не как социолога культуры, а как социолога искусства.

«...культурные исследования возникают, когда культура перестает быть имманентным принципом организации знания в Университете, вместо этого становясь одним из множества объектов. Феминистские, гомосексуалистские и лесбиянские, постколониальные исследования выходят на сцену, когда абстрактное понятие “культура” перестает адекватно и исчерпывающе описывать субъекта, когда очевидная пустота и универсальность субъекта “государство” позволяют увидеть в нем хранилище привилегированных маркеров мужского пола, гетеросексуальности и белокожести»⁶¹.

Вместе с тем Ридингс указывает на внутреннюю противоречивость самих исследований культуры. С одной стороны, реабилитируя повседневность и популярную культуру, апеллируя к маргинальному и вытесненному, они позиционируют культуру вне университетских стен. Это соотносится и с новой структурной ролью интеллектуала, который выступает уже не носителем культурной нормы, но глашатаем дискриминированных в культурном пространстве (и, стало быть, в академическом тоже) социальных групп и культурных сообществ⁶². С другой стороны, стремление исследователей культуры «вырваться за границы академического мира структурно встроено в сами эти границы»⁶³. Соответственно, несмотря на объективный характер трансформации идеи культуры, лежащей в основе университетского образования, ожидание позитивных революционных изменений в результате академической институционализации *Cultural Studies* не имеет, по мнению Ридингса, под собой достаточных оснований. Канадский исследователь критикует также идею о том, что эта институционализация создаст условия для междисциплинарной коммуникации и станет источником обновления интеллектуальной жизни в университете. Идея эта высказывалась некоторыми представителями данного направления (Энтони Истхоуп, Кэри Нельсон и др.) в начале 1990-х годов.

Идентификация места *Cultural Studies* в университетском контексте, намеченная Ридингсом, оказалась вполне органичной и для представи-

---

⁶¹ Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. С. 142, 146. Ридингс констатирует принципиальную принадлежность *Cultural Studies* к академической сфере, отличая их в этом отношении от ангажированных феминистских и мультикультуралистских исследований.

⁶² См. напр: Бауман З. Законодатели и толкователи: Культура как идеология интеллектуалов // Неприкосновенный запас. 2003. № 1 (27). С. 5–22.

⁶³ Ридингс Б. Университет в руинах. С. 147.

телей культурных исследований⁶⁴. Озабоченность перспективой их институционализации в 1980-е годы переросла в 1990–2000-е в работу по критическому осмыслению результатов этого процесса. Можно указать на два основных контекста этого осмысления. Первый из них связан с вопросами о том, какое влияние критическая программа культурных исследований оказала на организацию науки и образования в университете, каким образом она сказалась на социальных функциях и роли интеллектуалов. Второй – с проблемами оценки характера и результатов социального и академического признания этой области знания и перспектив дальнейшего их развития как области исследования, совокупности научных институций и образовательных программ. Проблема дисциплинарности оказывается в центре поисков новой модели самоидентификации в условиях новой конъюнктуры и с учетом нового статуса *Cultural Studies*. Эти поиски ведутся, опять-таки, в двух направлениях. С одной стороны, предметом дискуссии становится судьба сформулированной в рамках этого проекта критической программы, с другой стороны, обсуждаются возможности обозначить новые координаты интеллектуального самоопределения и критерии оценки производимого знания.

Проблема сохранения идентичности

В противовес критикам *Cultural Studies*, которые рассматривают распространение последних как симптом деградации университетской науки, представители движения склонны скорее констатировать, что их воздействие на академический мир имело сугубо внешний, поверхностный характер. С одной стороны, свидетельством неудачи академического самоутверждения движения является, по их мнению, то, что многие исследователи, которые идентифицируют себя с *Cultural Studies*, работают, тем не менее, в департаментах, представляющих более традиционные университетские дисциплины. С другой стороны, еще в 1991 г. Кэри Нельсон писал, что соотнесение себя с *Cultural Studies* становится для литературоведов «не более чем способом по-новому упаковать то, чем мы уже и так занимаемся», утрачивая при этом всю конфликтную историю

---

⁶⁴ Об этом свидетельствует, кроме всего прочего, и востребованность идей Ридингса в рассуждениях о месте культурных исследований в университете. См., напр.: *Striphas T. The Long March: Cultural Studies and Its Institutionalization // Cultural Studies. 1998. Vol. 12. No. 4. P. 462–464; Rutherford J. Cultural Studies in the Corporate University // Cultural Studies. 2005. Vol. 19. No. 3. P. 297–317.*

самоопределения движения и критическое отношение не только к академическому миру, но и к собственным теоретическим основаниям⁶⁵.

Вместе с тем, по мнению исследователей, происшедшая дисциплинаризация подтверждает опасения относительно утраты революционного потенциала и возвращения к тем формам организации и воспроизводства знания, от которых их представители стремились дистанцироваться⁶⁶. По мнению Грэма Тернера, одной из форм рутинизации *Cultural Studies* стало распространение модели преподавания соответствующих курсов, которую исследователь обозначает как CS 101. Каркас этих курсов образуют не столько с проблемы и ключевые понятия, сколько имена отдельных канонизируемых теоретиков. Здесь обнаруживается негативная сторона открытости *Cultural Studies*, поскольку содержание курса зависит в большей степени от субъективных предпочтений преподавателя, нежели обуславливается связью с составляющими стержень дисциплины сюжетами. Подобные курсы обычно демонстрируют и порочную дидактическую стратегию, которая характеризуется отказом от задействования культурного капитала студентов и тяготеет к начетнической модели преподавания, связанной с разъяснением содержания эзотерических текстов теоретиков⁶⁷. Таким образом, по мнению Тернера, в рамках *Cultural Studies* начинает воспроизводиться модель преподавания, существовавшая в *English Studies* 40 лет назад и ставшая точкой отталкивания для первых. Объектом критического анализа становятся также механизмы формирования системы звезд, причем показательно, что эта критика звучит также и из уст самих живых классиков данного направления⁶⁸.

---

⁶⁵ Цит. по: *Bérubé M. Engaging the Aesthetic // The Aesthetics of Cultural Studies / M. Bérubé (Ed.). Oxford: Blackwell Publishing, 2005. P. 1.*

⁶⁶ О педагогической концепции *Cultural Studies* см.: *Sefton-Green J. Cultural Studies and education // Cultural Studies. 2011. Vol. 25. No. 1. P. 55–70.*

⁶⁷ *Turner G. What's Become of Cultural Studies? P. 79–81.* Такого рода дидактические стратегии дискредитируют и теорию, утрачивающую критические функции и становящуюся механизмом самовоспроизводства, и идею субъективности, которая здесь оказывается связана с пристрастиями преподавателя и реализуется через его доминирование в учебном процессе. Вероятным следствием такого подхода Тернер считает производство элитистского знания о культуре и утрату практического горизонта. В приведенном высказывании заслуживает внимания то, что исследователь использует для характеристики культурных исследований понятия «стержень» и «дисциплина».

⁶⁸ Примером последнего могут служить, в частности, критические отзывы Холла о конструировании бирмингемской ортодоксии. См.: *On Postmodernism and Articulation. An Interview with Stuart Hall // Stuart Hall. Critical Dialogues in Cultural Studies. P. 149;*

Еще одним аспектом того внутренне противоречивого положения, в котором последние годы оказались культурные исследования, стало быстрое устаревание идей и концепций, составлявших инновационный потенциал движения в 1970–1980-е годы. Это касается не только антропологической концепции культуры, которая в настоящее время разделяется многими гуманитарными дисциплинами⁶⁹, но и идеи междисциплинарности. Одним из факторов, обеспечивших популярность *Cultural Studies* в 1970-е годы, было то, что образовательные институты (вроде «свободных университетов»), на которые опиралось движение, предоставляли студентам, как отмечает Грэм Тернер, большую свободу в формировании собственной образовательной траектории, возможность заниматься темами, вытесненными за пределы традиционных дисциплин, и т.д.⁷⁰. Ситуация в современном университете, где эти возможности поддерживаются вариативностью, заложенной в организации образовательного процесса, задает для *Cultural Studies* совершенно новый образовательный контекст. И дело не только в том, что идея междисциплинарности утратила свою новизну. Залогом прорыва, осуществленного культурными исследованиями в 1970–1980-е годы, Тернер считает то, что связанные с проектом образовательные институты были пространством эксперимента, направленного на освоение новых предметов исследования, таких, как популярная культура или масс-медиа. Но при этом они привлекали студентов, уже обладавших определенным дисциплинарным бэкграундом – филологическим, историческим и т.д. Именно потребность в обновлении исследовательского арсенала, двигавшая этими студентами, придавала реальное содержание междисциплинарному поиску, в то время как изначально междисциплинарный характер современных образовательных программ создает опасность выхолащивания этой идеи. Критическая рефлексия в отношении идеи междисциплинарности разворачивается и в плоскости университетского управления, где эта идея может становится основанием для закрытия или слияния университетских подразделений в угоду требованиям экономической рентабельно-

---

Moran J. *Cultural Studies and Academic Stardom* // *International Journal of Cultural Studies*. 1998. Vol. 1 (April). P. 67–82.

⁶⁹ Johnson R., Chambers D., Raghuram P., Tincknell E. *The Practice of Cultural Studies*. P. 19–20. При этом, как отмечают авторы, представители традиционных дисциплин склонны отрицать влияние *Cultural Studies*.

⁷⁰ Turner G. *What's Become of Cultural Studies?* P. 42–43.

сти⁷¹. Тед Стрифас и Грэм Тернер призывают к тому, чтобы сегодня четко осознать ответственность за романтизацию идеи междисциплинарности, которая была конститутивной для самоопределения представительшей культурных исследований на рубеже 1990-х⁷².

Следующее направление рефлексии о расхождении академической идентичности и критической программы связано с намеченной еще Реймондом Уильямсом проблемой внутренней дифференциации *Cultural Studies* и возникновения новых специализированных направлений исследования культуры. Предметом обсуждения здесь становится изменяющаяся конъюнктура существования университета и позиция интеллектуала. Концептуальная рамка этой дискуссии кристаллизовалась на рубеже 1990-х годов в контексте дискуссии о культурном популизме. Особенно сильным импульсом для нее стало появление в 1992 г. книги Джима Макгигана с одноименным названием. Автор книги определял культурный популизм как характерное для некоторых исследователей культуры предположение о том, что символические конструкции и практики, лежащие в основе опыта обычных людей, «имеют большее аналитическое и политическое значение, чем Культура с большой буквы»⁷³. Отсылка к «Культуре» в определении Макгигана была не случайной: культурный популизм рассматривался здесь как стратегия самореализации интеллектуалов. Однако основным объектом критики выступали не столько сами по себе симпатии к культуре обычных людей (в этом смысле сам Макгиган готов был причислить себя к культурным популистам), сколько некритическое восприятие, включающее в себя идеализацию потребления культуры, отказ от различения массовой и популярной культуры и утрату материалистической перспективы, связанной с социально-экономическим анализом, изучением институциональной власти и публичных коммуникаций. Эти тенденции, по мнению исследователя, обнаруживались ранее в работах Уильямса, Холла и других представителей *Cultural Studies*, однако дискуссия о ходе институционализации и профессионализации проекта в Америке придавала более универсальный характер и спорам о культурном популизме. Текстуализация культуры как объекта исследования и деполитизация теоретической работы, характерные для американских исследований культуры, стали объектом критики

---

⁷¹ Turner G. P. 45.

⁷² Striphas T. The long March. P. 461–462. Turner G. What's Become of Cultural Studies? P. 41–42.

⁷³ McGuigan J. *Cultural Populism*. L.: Routledge, 1992. P. 4.

для тех, кто ратовал за сохранение идентичности движения, которая связывалась с британской версией культурных исследований⁷⁴. Показательны в этом смысле неоднократные критические инвективы Стюарта Холла в адрес американских *Cultural Studies*. Провозглашая приверженность модернизму в противовес расхожему мнению о связи культурных исследований и постмодернизма, Холл стремился отмежеваться от некритического восприятия массовой культуры и указывал на значимость фигуры органического интеллектуала, вдохновлявшей участников сообщества, группировавшегося вокруг Бирмингемского центра⁷⁵.

В новом социокультурном и университетском контексте 2000-х годов у *Cultural Studies* появляются новые «значимые другие». Речь идет о таких новых областях гуманитарного знания, как исследования новых медиа (*New Media Studies*), гибридной культуры (*convergence culture*) и креативных индустрий (*creative industries*). Развитие этих областей, возникших во многом благодаря распространению культурных исследований, становится вызовом для последних. Осуществляя активную экспансию в академическое пространство, эти области начинают вытеснять как традиционные специализации в области гуманитарных и социальных наук (например, искусствознание), так и собственно специализации, традиционно существовавшие в *Cultural Studies*. Не менее важно и то, что свою генеалогию при этом они возводят к культурным исследованиям, претендуя одновременно на место новых законодателей повестки дня в исследовании современной культуры⁷⁶.

Появление этих областей связано с задачами осмысления новых типов коммуникации, которые характеризуются бóльшим равноправием, активной вовлеченностью участников и меньшей степенью коммерциализации. Идеологической предпосылкой исследования становится, таким образом, новая модель воспроизводства культуры, альтернативная традиционным представлениям о связи капитализма, массмедиа и политического порядка, каковые традиционно выступали отправной точкой

---

⁷⁴ Это стало важным стимулом для конструирования британской генеалогии культурных исследований. Анализ этого сюжета см. в статье: *Stratton J., Ang I. On the impossibility of a global cultural Studies*. P. 360–392.

⁷⁵ Майкл Берубе приводит саркастический комментарий Стюарта Холла, который в одном из интервью сказал: «Я уже не в силах читать еще один сделанный в рамках культурных исследований анализ творчества Мадонны или «Клана Сопрано». *Bérubé M. What's the Matter with Cultural Studies?*

⁷⁶ *Ibid.* P. 103.

для представителей *Cultural Studies*. С развитием новых медиа и гибридных форм культуры, а также с формирующимися на этой почве культурными индустриями связываются надежды на возможность подлинной популярной культуры, связанной с низовой активностью и демократическим участием, снимающей оппозицию между производителем и потребителем⁷⁷.

Грэм Тернер находит в этой идеологии характерные признаки культурного популизма: сентиментальное отношение к популярной культуре, тяготение к модному в ущерб неудобным темам, отказ от критической составляющей. Вместе с тем примирение с существующей культурой принимает здесь и специфические формы. В исследованиях новых медиа происходит, по его мнению, переход от характерного для *Cultural Studies* акцента на критическом анализе культурной политики в рамках национальных государств к изучению глобального рынка как среды существования новых экономических и культурных форм. Утверждение последних в качестве объектов исследования связано с презумпциями экономического и технологического оптимизма (идеи наращивания общественного блага и возможности новых технологий в плане разрешения социальных проблем), каковые презумпции, по мнению Тернера, пока не подтверждены эмпирическими данными. Успехи академической институционализации этих новых областей связаны с рыночной валидностью предлагаемого ими знания, которая приобретает особую актуальность в связи с происходящим в последние десятилетия сокращением государственного финансирования университетов. При этом само содержание подобных программ слабо связано с трудами представителей *Cultural Studies* и ориентировано не столько на развитие критической рефлексии о культуре, сколько на трансляцию технических навыков, необходимых для самореализации в новых экономических и медийных условиях. Характерно, что, противопоставляя культурные исследования исследованиям новых медиа, гибридных культур и креативных индустрий, Тернер не только подчеркивает связь *Cultural Studies* с традиционными дисциплинами, имея в виду их общую ориентацию на развитие навыков теоретической рефлексии, но, более того, говорит также и об их «дисциплинарном потенциале», который у новых направлений отсутствует⁷⁸.

---

⁷⁷ Bérubé M. P. 104.

⁷⁸ Turner G. What's Become of Cultural Studies? P. 116–117.

Высказываемая Тернером критика новых институций и лежащих в их основе направлений исследований интересна не только тем, что академический статус здесь измеряется дисциплинарным потенциалом. Продолжая традицию рефлексии о культурном популизме, она увязывает формирование определенных познавательных и педагогических стратегий с изменениями в образовательной политике и в социокультурном контексте существования университета. Любопытно также, что, будучи спроецированными на новые направления исследований, позитивные ориентиры *Cultural Studies* как интеллектуального проекта превращаются в свою противоположность: стремление к актуальности и открытости современной культуре становится в случае *New Media Studies* и других новых областей погоней за модой, теоретические основания оказываются неоправданными, а практическая ориентация дискредитируется как технологичность. Авторы, позиционирующие себя по другую сторону обозначаемого Тернером водораздела, провозглашают отказ от нормирующей функции и заявляют, что *Cultural Studies* должны быть гибкими по отношению к образовательным контекстам и открытыми по отношению к запросам аудитории. Так, например, Саймон Дюринг отмечает, что мотивация студентов к изучению современной культуры весьма разнообразна. Соответственно, задача заключается в том, чтобы отвечать этим потребностям, а не в том, чтобы пытаться их контролировать⁷⁹.

В целом, признавая то, что некоторые из лозунгов *Cultural Studies* сегодня в определенном смысле реализованы в современной университетской практике, представители этого движения в очень слабой степени готовы удовлетвориться результатами этих преобразований и идентифицировать себя с ними. По мнению Грэма Тернера, позитивным следствием произошедших трансформаций является то, что университет стал более открытым. Однако, в отличие от старого университета, в нем гораздо меньшее значение имеет важная для идеологии культурных исследований идея публичного блага. В этом неолиберальном университетском контексте даже отличающая *Cultural Studies* от традиционных дисциплин открытость, мобильность и способность адаптироваться к новым реалиям не является гарантией устойчивости их положения.

---

⁷⁹ *During S. Is Cultural Studies a Discipline?* P. 275.

Новые рамки самоопределения

Наряду с осмыслением судьбы *Cultural Studies* в новом университетском контексте, мы видим в текстах исследователей усилия, направленные как на осмысление тех координат, в которых этот проект мыслился, так и на поиск путей к снятию внутренних конфликтов, которыми традиционно определялась идентичность исследователей культуры. Важнейшей темой здесь становится вопрос об их политической ангажированности и диапазоне форм критической интервенции. Демонстрируя преемственность по отношению к высказываниям об «академической ангажированности» отцов-основателей этой традиции, представители *Cultural Studies* стремятся сегодня более последовательно соблюдать дистанцию по отношению к политике в традиционном понимании. В связи с этим объектом критики становятся и высказывания о связи проекта *Cultural Studies* с идеей «иной политики» – такие, например, как тезис Стюарта Холла об исследовании культуры как реализации политики иными средствами⁸⁰. В 1990-е годы целый ряд авторитетных представителей *Cultural Studies*, таких как Тони Беннет, Лоуренс Гроссберг, Джон Стори, критикуют попытки акцентировать политическую ангажированность знания о культуре. По мнению Стори, признание политической подоплеки *Cultural Studies* задает ложные ориентиры для их самоописания. Он подвергает критическому анализу сам термин «институционализация», употребление которого основано на имплицитном допущении, что культурные исследования изначально развивались вне академической среды и прошли путь от «героического сопротивления» до инкорпорирования. Он считает неоправданной романтизацию политической ангажированности, поскольку считает ее препятствующей нормальному академическому функционированию и выстраиванию отношений с другими дисциплинами. В противовес подобным установкам Стори предлагает исходить из того, что *Cultural Studies* изначально являются «теоретической практикой и исследовательским и педагогическим проектом» и в этом смысле совершенно естественно могут быть признаны полноценной дисциплиной⁸¹.

---

⁸⁰ Storey J. There's No Success Like Failure: Cultural Studies; Political romance or Discipline? // *Journal of Communication Inquiry*. 1997. Vol. 21. No. 2. P. 98–109.

⁸¹ Ibid. P. 106.

С другой стороны, предпринимается попытка переопределить горизонт политической активности исследований культуры и продемонстрировать, что последняя не обязательно входит в противоречие с академической работой. По мнению Теда Стрифаса, «антидисциплинарное» самоопределение *Cultural Studies* связано с тем, что в качестве основной формы политической самореализации ее представителей выступала практика критического письма. При этом на второй план отодвигалось институциональное строительство. Однако последнее имеет свои политические импликация, связанные с влиянием университетов на медийную и политическую среду, с формированием интеллектуально активной прослойки и с подготовкой будущих производителей культуры⁸². Указывая на необходимость переноса активности исследователей культуры в эту плоскость, Стрифас оговаривается, что такого рода работа не должна иметь конъюнктурного характера и быть ориентированной на достижение непосредственного политического эффекта. С этим связано также признание необходимости учитывать логику университета и сделать свое присутствие в нем более определенным. Пол Макьюен отмечает, что «проявление» *Cultural Studies* в университетском пространстве, превращение их из «криптодисциплины» в полноценную дисциплину является условием реализации идеи открытости этой области знания. Однако теперь эта идея должна быть реализована не в теоретико-методологическом, а в институциональном ключе: речь идет, в частности, о включении в рейтинги и развитии ресурсов, представляющих публике информацию об образовании в этой области, и т.д.⁸³

Таким образом, условием выработки представителями культурных исследований новой интеллектуальной идентичности становится преодоление жесткой оппозиции между представлением об академической работе как имеющей принципиально рутинный характер, с одной стороны, и, с другой стороны, неременной обусловленностью творческого и критического характера деятельности представителей *Cultural Studies* их непосредственной политической ангажированностью. По мнению Теда Стрифаса, в рамках этой оппозиции самоопределение исследователей культуры будет неизбежно травматическим, поскольку любая институционализация будет описываться как провал и утрата подлинности, якобы изначально присущей *Cultural Studies* как критическому интеллекту-

---

⁸² *Striphas T.* The Long March. P. 455–459.

⁸³ *McEwan P.* Cultural Studies as a Hidden Discipline. P. 427–437.

альному проекту. Вместе с тем для любого непредвзятого наблюдателя очевиден разрыв между утверждениями о политической ангажированности *Cultural Studies* и реальностью их повседневного существования, в перспективе которого эти утверждения выглядят декларативными и идеологическими⁸⁴. Закономерным следствием этой логики становится нормализация дисциплинарности и отказ рассматривать дисциплины исключительно как инструмент власти⁸⁵.

Нынешняя слабая институционализированность *Cultural Studies* рассматривается как одна из издержек их теоретико-методологической неопределенности. Разумеется, речь идет не о том, чтобы отбросить всю предшествующую критику, а о том, чтобы, с одной стороны, заботиться о выработке иммунитета по отношению к рутинизирующим механизмам дисциплинарности, а с другой – использовать эту новую дисциплинарную идентичность для реализации основополагающей задачи культурных исследований – критического анализа современной культуры, осуществляемого во имя реализации общественного блага. В этом плане показательным следующее: если раньше представители *Cultural Studies* опасались, что исследования культуры превращаются исключительно в педагогическую практику⁸⁶, то сегодня они намерены пересмотреть соотношение исследовательской и педагогической составляющих в пользу последней⁸⁷. Этическим обоснованием для необходимости выработать долгосрочную программу развития *Cultural Studies* как университетской дисциплины является ответственность перед будущими поколениями исследователей⁸⁸.

Показательным симптомом движения в сторону дисциплинарной самоидентификации, реализуемой в современном междисциплинарном поле, можно считать готовность вписать культурные исследования в историю гуманитарных дисциплин XX в. Примеры мы находим в работах Тоби Миллера, по мнению которого, *Cultural Studies* проходят через те же болезни роста и обвинения, что социология после Второй мировой войны, литературоведение во второй половине XIX в., естественные нау-

---

⁸⁴ *Striphas T.* The Long March. P. 453, 465.

⁸⁵ *Ibid.*

⁸⁶ См., напр.: *Turner G.* “It Works for Me”: British Cultural Studies, Australian Cultural Studies // *What is Cultural Studies? A Reader* / J. Storey (ed.). L.: Edward Arnold, 1996. P. 322. Цит. по: *Storey J.* There’s No Success Like Failure. P. 101–102.

⁸⁷ *Turner G.* What’s Become of Cultural Studies? P. 71–73.

⁸⁸ *Ibid.* P. 65–66.

ки в начале XX в.⁸⁹ Также можно указать здесь и на работы Джона Страттона и Иен Энг, которые сравнивают интернационализацию культурных исследований с распространением социологии, – с той лишь разницей, что, в отличие от социологии, претендовавшей на универсальность разрабатываемой модели, исследователи культуры «на местах» чаще настаивают на партикулярности производимого ими знания⁹⁰. Важной составляющей поиска новой самоидентификации становится осуществляемый «поверх барьеров» критический анализ стереотипов, опосредующих конфликтные взаимоотношения между представителями различных дисциплин. Пример подобного анализа мы находим в статье Дэвида Инглиса, который, описывая взаимные предрассудки представителей социологии и *Cultural Studies*, уподобляет конфликт этих областей знания побоищу близнецов Труляля и Траляля в известной сказке Льюиса Керролла⁹¹.

Другим средством становится историзация восприятия дисциплинарности в рамках самих *Cultural Studies*. По мнению Саймона Дюринга, можно говорить о двух этапах становления этой концепции. Первый из них он связывает с работами Ричарда Хоггарта, идея которого заключалась в том, что *Cultural Studies* должны были выступить посредником во взаимодействии литературоведения (*English Studies*) и социологии. О противостоянии дисциплинарности в этот момент речь в принципе не шла. Программное значение критика дисциплинарности приобрела на втором этапе, после 1968 г., в период руководства Стюарта Холла, взявшего курс на политическую ангажированность культурных исследований, которую он рассматривал как необходимое условие принципиального анализа взаимоотношений культуры и общества⁹².

Тема междисциплинарности также побуждает поставить вопрос о разрыве между идеологическими декларациями и реальной практикой академической работы. В этом контексте предметом обсуждения становится

---

⁸⁹ Podcast: Toby Miller on Cultural Studies By Social Science Bites (Published: December 3, 2012) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.socialsciencespace.com/2012/12/toby-miller-on-cultural-Studies/> (дата обращения: 17.03.2014).

⁹⁰ Stratton J., Ang I. On the Impossibility of a Global Cultural Studies. P. 363–365.

⁹¹ Анализ причин взаимного отторжения и возможностей диалога между *Cultural Studies* и историей см.: Pickering M. Engaging with History // Research Methods in Cultural Studies. Edinburg University Press, 2008. P. 193–213; Rodman G. Cultural Studies and History // The SAGE Handbook of Historical Theory / N. Partner, S. Foot (eds.). L.: SAGE Publications Ltd., 2013. P. 342–354.

⁹² During S. Is Cultural Studies a Discipline? P. 272–273.

способность данной области знания реально осуществлять междисциплинарный диалог, организовывать площадки для коммуникации между представителями разных дисциплин и использовать теоретический потенциал культурных исследований для повышения эффективности этой коммуникации⁹³.

В связи с этим переопределяется и место идеи междисциплинарности в структуре идентичности *Cultural Studies*. Достаточно рафинированную трактовку этого сюжета мы находим в книге Ричарда Джонсона, Деборы Чемберс, Парвати Рагурам и Эстеллы Тикнелл «Практика культурных исследований»⁹⁴. Отправной точкой для этой трактовки становится краткий очерк истории исследований культуры в контексте их отношений с другими дисциплинами. В этой истории Джонсон и его коллеги выделяют четыре этапа. Первый из них был связан с формированием проекта. Имея отправную точку вне существующих дисциплин, этот проект был адисциплинарным и даже отчасти контрдисциплинарным. Второй этап характеризовался освоением подходов, существовавших в других дисциплинах, в силу чего этот отрезок связан с мультидисциплинарной установкой и поисками интердисциплинарного синтеза. Третий этап, который обозначается как трандисциплинарный, авторы связывают с влиянием *Cultural Studies* на другие дисциплины⁹⁵. Наконец, четвертый этап – это судьба культурных исследований в ситуации свершившегося культурного поворота. Возникновение форм культурного анализа в различных дисциплинах окончательно разрушает монополию *Cultural Studies*. Исследователи, работающие в этой области, оказываются перед необходимостью мониторинга существующих подходов, оценки степени их инновационности или тривиальности в контексте разнообразных исследовательских практик. Эта ситуация, по мнению Джонсона и его коллег, не является состоянием постдисциплинарности: прежние механизмы организации науки и формы самоидентификации существуют сегодня наряду с новыми. Вместе с тем важно понимать, что идентичность ученого –

---

⁹³ *Striphas T.* The Long March. P. 466. Конкретный пример подобного проекта – «Сеть исследователей культуры» (“Cultural research network”), организованную в Австралии в 2005 г., – описывает в своей книге Тернер: *Turner G.* What’s Become of Cultural Studies? P. 167–178.

⁹⁴ *Johnson R., Chambers D., Raghuram P., Tincknell E.* The Practice of Cultural Studies. P. 19–20.

⁹⁵ При этом авторы оговариваются, что культурные исследования, конечно же, не были единственным трандисциплинарным направлением, инспирировавшим культурный поворот.

исследователя культуры сегодня часто оказывается множественной и, соответственно, идентификация с *Cultural Studies* в большинстве случаев не является единственной самоидентификацией исследователя культуры.

Инструментальное понимание (меж)дисциплинарности, которое является презумпцией этого экскурса, предполагает в качестве перспективы развития культурных исследований поиск эффективной комбинации двух равноправных стратегий, одна из которых связана с идеей их открытости внешним влияниям, другая – с самоопределением (академическим, дисциплинарным)⁹⁶. Поиск этот ведется в двух плоскостях. В одной из них оппозиция этих стратегий раскрывается как дилемма актуальности и профессионализма: не отказываясь от традиционной открытости актуальной повестке дня и от принципов критики научной дисциплинарности (рассмотрения ее с точки зрения ограничений и регулятивных функций), необходимо соблюсти ценности профессионализма и академической состоятельности. В другой плоскости речь идет о соотношении опоры на существующую исследовательскую традицию и поиска возможностей дисциплинарного обновления⁹⁷. Благодаря этому дисциплинарные границы выводятся из режима рутинного воспроизводства в сферу рефлексивного контроля.

* * *

Подводя итоги своей характеристики современного состояния и перспектив развития *Cultural Studies*, Грэм Тернер отмечает, что эволюция этой области знания представляет собой «естественным образом сложившийся, непреднамеренный лонгитюдный эксперимент» по реализации междисциплинарного проекта⁹⁸. Важной характеристикой этого эксперимента оказывается стремление представителей данной области знания определить ее как антидисциплину. Внутренне противоречивый характер критики дисциплинарности обнаруживается в процессе интенсивной дисциплинаризации культурных исследований, происхо-

---

⁹⁶ В аналогичном направлении движется и Грэм Тернер, указывая на три возможности идентификации *Cultural Studies* – в качестве дисциплины, в качестве совокупности теорий и методов и в качестве проекта. *Turner G. What's Become of Cultural Studies?* P. 156–161.

⁹⁷ *Johnson R., Chambers D., Raghuram P., Tincknell E. The Practice of Cultural Studies.* P. 22–24.

⁹⁸ *Turner G. What's Become of Cultural Studies?* P. 57.

дившей в контексте наложения целого ряда временных конъюнктур: трансформаций культуры в целом и университетской культуры в частности, познавательных поворотов и изменений механизмов воспроизводства знания в области гуманитарных наук, академической экспансии и внутренней дифференциации самого этого направления. Переживание этой ситуации как кризиса побуждает исследователей культуры к интенсивному поиску своей идентичности, к определению возможностей адекватного самоописания, которое создало бы условия для преодоления разрывов между идеологическими декларациями и практикой повседневной работы. Изучение этих поисков дает возможность наблюдать дискурсивные механизмы конструирования дисциплинарности, режимы ее оправдания, которые сегодня находятся в центре внимания социологов науки, занимающихся этой проблематикой⁹⁹.

Этот поиск идентичности можно было бы проанализировать, обратившись к имплицитным категориям, «свернутым» в определениях предмета и в характеристиках методологии. Однако в нашем случае речь шла об эксплицитных категориях, связанных с самоопределением исследователей культуры в отношении дисциплинарности как таковой. Их анализ выявляет категориальную сетку, в рамках которой осуществляется самоидентификация в контексте академической культуры: институты *vs.* тексты, преподавание *vs.* исследование, критика *vs.* политическая ангажированность, открытость *vs.* закрытость и т.д. Интересно также и то, как в поиске самоидентификации происходит согласование различных конъюнктур – эволюции дисциплины, развития университета, изменения социального запроса, политической ситуации и т.д. Что касается собственно эволюции восприятия дисциплинарности, то при всем разнообразии отправных точек ее осмысления, исследователи в большей степени склоняются к положительной ее оценке. Однако эта положительная оценка не носит абсолютного характера. Она может рассматриваться как результат инструментализации тех смысловых образований, которые были ключевыми для самоописания *Cultural Studies* в 1980-е годы. Благодаря этому становится возможным не только представление собственной истории как внутренне неоднородной, но и работа по деконструкции стерео-

---

⁹⁹ Примером здесь могут быть работы Тони Бечера и Поля Траулера, Мишель Ламон. Подробнее об этом см.: *Дмитриев А.Н., Запорожец О.Н.* Дисциплинарный принцип, академический рынок и вызовы «общества знания» // Становление дисциплинарного поля в науках о человеке / под общ. ред. И.М. Савельевой, А.Н. Дмитриева. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2014.

типов, формирующих негативный образ культурных исследований в глазах академического сообщества и широкой публики. Конструктивистские ориентации культурных исследований в рассмотренных выше образцах рефлексии становятся инструментом верификации представлений о собственной идентичности. Вопросы о границах этой рефлексии, а также о существовании обратной связи между рефлексией и выходом на новые исследовательские рубежи, указывают на новые возможности, которые могут быть реализованы на следующем этапе обсуждения этой темы.

Stepanov, B. E.

“Like a Lawless Comet ...”: Cultural Studies in the Search for Academic Identity [Text] : Working paper WP6/2014/03 / B. E. Stepanov ; National Research University Higher School of Economics. – Moscow : Higher School of Economics Publ. House, 2014. – 40 p. – (Series WP6 “Humanities”). – 150 copies. (In Russian.)

It is well known that critical consideration of the disciplinary organization of the humanities became one of the main principles for those scholars who identified themselves with the Cultural Studies. Sweeping invasion of Cultural Studies into the Academy in 1980-s – 1990-s radically transformed the ground and the framework of this consideration. The article examines the connection of these transformations with the expanding critical reappraisal of the evolution of Cultural Studies and with a search of the productive strategies for the positioning of this discipline in the academic field.

Препринт WP6/2014/03
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Степанов Борис Евгеньевич

**«Как незаконная комета...»: культурные исследования
в поисках академической идентичности**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат $60 \times 84 \frac{1}{16}$. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,5
Усл. печ. л. 2,4. Заказ № . Изд. № 1598

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»